

Великий Глинка

Гордость и национальная слава русского народа, основоположник великой русской музыкальной классики, Михаил Иванович Глинка стал незакатным солнцем нашей музыки так же, как в литературе Александр Сергеевич Пушкин. Еще в те далекие времена, отбываясь на смерть композитора, И. Панаев в мартовской книге «Современника» писал: «...Имя Глинки проникло в самые глухие и отдаленные углы в России, вместе с его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками...»

Минувшее столетие принесло неувядающую славу музыке Глинки. Она звучит и живет в музыкальных театрах, на концертных эстрадах, в широких кругах музыкальной самодеятельности, в быту. Бесмертные творения великого композитора учат и воспитывают поколения за поколениями музыкальной молодежи; его мудрые эстетические принципы, оплодотворившие творчество всех русских композиторов, воздействуют на музыку наших современников.

В одной из бесед с А. Н. Серовым Глинка подчеркнул силу критерия народности, значение народных истоков в творчестве, сказав: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это пронзительное высказывание Глинки также крепко вошло в нашу эстетическую науку.

Глинка часто повторяет мысль о том, что содержание и форма в искусстве неразделимы. «Красота музыкальной мысли вызывает красоту оркестра», — указывает он в своих «Заметках об инструментровке».

—◇—
К 100-летию со дня
смерти
—◇—

В письме к В. Н. Кашперову он отмечает: «...Все искусства, а следовательно и музыка требуют: 1) Чувства — это получается от вдохновения свыше. 2) Формы. Форма значит красота, т. е. соразмерность частей для составления стройного целого. Чувство живет — дает основную идею; форма облекает идею в причинную подходящую форму... Чувство и форма это — душа и тело. Первое дар Божий, второе приобретается трудом, — причем опытный и ум-

ный руководитель — человек вовсе не лишний».

Высказывая такие мысли, Глинка раскрывал существо своего творческого метода — неустанное стремление к совершенствованию формы своих произведений, выражающих очень глубокие чувства.

Разве можно забыть, раз услышав, лежуще-торжественный гимн «Славься», величественно патристическую предсмертную арию Сусанина «Чуют правду», сосредоточенно-философскую арию Руслана «О поле, поле», беспощадно-разгульную песню Ильинишны «Ходит ветер у ворот», щемяще-скорбный романс «Уймись, волнения страсти», драматически-живописную песню «Ночной смотр», вдохновенно-лирическое претворение в поэтической музыке пушкинского стихотворения «Я люблю чудное мгновенье», кипучую радость стремительной увертюры к опере «Руслан и Людмила»!

И в крупных своих произведениях, и в миниатюрах композитор выявляет себя замечательным музыкальным драматургом. Поэтому так необычайно свободна и в то же время художественно убеждающая форма этих произведений. Искренность и непосредственность эмоций, которые Глинка выражал в своем творчестве, очевидны и захватывающи. В. В. Стасов, например, отмечает, что романсы Глинки «служили только средством выразить в форме искусства то или другое мгновение собственной жизни, то или другое волновавшее его чувство».

Но вместе с тем творчество Глинки содержит в себе и много-

гранное объективное содержание, идущее от широкого кругозора композитора, его общественных устремлений, отвечающих патристическим идеалам передового русского общества начала XIX столетия. Этого широкого объективизма музыки Глинки, несомненно, имел в своей основе глубокую связь с русской народной песенностью. И эта родная песенность у него была «в крови», он сочинял русские мелодии так, что порою их трудно было отличить от подлинно народных.

Глинкинское понимание народности сформулировал М. П. Мусоргский в своем знаменитом афоризме: «Сусанин — не мужик простой, нет: идея, легенда, мощное создание необходимости...»

Глинка не замыкался только в интонационной сфере русской национальной мелодики; глубокой заинтересованностью в музыкальной культуре других народов и поразительно чутким претворением в своей музыке характера и духа иностранных мелодий он оставил последующим русским композиторам великий завет интернациональных связей и дружбы с другими народами. Его увлечения музыкой других народов не носили поверхностного характера.

Характерно, что, наполняясь впечатлениями от музыки нерусских народов, Глинка стремился страдать их не только в песенных формах, но и в крупных произведениях. Долгое время его занимала мысль о создании украинской симфонии «Тарас Бульба» по повести Н. В. Гоголя. В письмах из Гранады к своей матери Глинка пишет об увлечении испанской музыкой: «Кроме изучения народных песен, я также учусь и здешней пляске,

потому что одно и другое необходимо для совершенного изучения народной испанской музыки... Изучение народной русской музыки в моей молодости повело меня к сочинению «Ивана Сусанина» и «Руслана». Надеюсь, что я теперь хлопочу не понапрасну».

И действительно, в творчестве Глинки одна за другой появляются две превосходные испанские увертюры «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде», в которых народные темы получили виртуозное развитие в симфонической разработке. Глинка в этих произведениях удалось сохранить празднично-народный колорит испанских тем.

В романсах, фортепьянных произведениях, операх Глинки мы встречаемся и с музыкой в духе других народностей: польской, финской, шотландской, еврейской, итальянской, кавказских народностей. И везде эта музыка звучит с полной художественной силой, порожденной чутким проникновением автора в существо данных народностей. При этом в музыке композитор никогда не утрачивал своего характерного, глинкинского русского почерка.

Фантазия на две русские темы «Камагинская», положившая основы принципам русского симфонизма, оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» явились вершинами не только всего творчества композитора, но и сверкающими образцами мировой музыкальной классики. В них полностью выявились неистощимость гениальной композиторской фантазии Глинки, смелость его творческого мышления, нашедшая впоследствии отклик в держащем девизе композиторов-кучкистов «Б новым берегам!», глубочайшая идейность его

замыслов, верность служению народу, чувство ответственности перед ним. Каждое новое соприкосновение с этими великими произведениями приносит чувство радости и глубокого эстетического наслаждения их неувядающей свежестью, совершенным мастерством, заново раскрывающимися «непознанными красотами».

Музыка столь высокого полета не могла нравиться чиновничье-крепостническому обществу самодержавного царизма. Сам Глинка потешался над тем, что его музыку называли «кучерской».

В последующих поколениях количество друзей музыки Глинки все увеличивалось и любовь к ней становилась все пламенней.

П. И. Чайковский писал П. И. Юргенсону: «Аз принадлежу и есть порождение Глинки».

Н. А. Римский-Корсаков, вспоминая о своей работе по редактированию оперных партитур Глинки, восклицает: «Пределов не было моему восхищению и поклонению этому гениальному человеку». М. П. Мусоргский в своих письмах называет Глинку «великим учителем», создателем «великой школы русской музыки».

В наше время пленяющая, вечно живая музыка Глинки получила всенародное признание. Режденная горячим, взволнованным сердцем и светлым большим умом простого, отзывчивого русского человека и в то же время исполнина-художника, эта музыка звучит в сердцах миллионов.

Все народы Советского Союза и люди многих других стран с любовью произносят имя великого Глинки.

Мариан КОВАЛЬ.